

**ВЛАДИМИР
ПРИВАЛОВ**

**НАДЕЖДА
ВЫЖИТЬ**

Владимир Привалов

Надежда выжить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51836328

SelfPub; 2023

Аннотация

Небольшой рассказ о крушении космического корабля на еще не открытой необитаемой планете.

Владимир Привалов

Надежда выжить

Обложка взята из файлообменника [https://](https://www.pxfuel.com/en/free-photo-oibuv)

www.pxfuel.com/en/free-photo-oibuv и использована по лицензии ССО

15.02. 2044

Вляпались! Везёт, как утопленникам! Миллионный, миллиардный процент? Теперь и не проверить – электроника накрылась вся. Разом. Брякнулись на какую-то планетку, что нарисовалась прямо перед носом. Пограничник выручил, посадил катер. Взлететь теперь не сможем. Во время посадки чуть не умер от ужаса. Вколол Леночке седативного – истерика.

Чертов, чертов, чертов Парнсонс! Чертова «кротовья нора»!

15 февраля 2044 года, за неделю до окончания командировки по облету и профилактическому ремонту астероидных радиомаяков, катер РКФ «Ник-243» провалился в т. наз. «кротовью нору», известную также как червоточина Парсонса.

К дьяволу отчеты! Отчеты Пограничник строчит, со вчерашнего вечера. Уж в этом он мастер, наш капитан, Бесчестных Георгий Сергеевич.

«Известная как червоточина Парсонса», как же! Скорее неизвестная! Всего-то, что известно – что она существует, что вывалиться из нее можно где угодно, и что за всю задокументированную земную историю мы вторые, кому посчастливилось в нее вляпаться.

Провел медосмотр. Переломов нет. Из оборудования работает лишь экспериментальная модель радиомаяка. На него вся надежда.

Леночка успокоилась. Петрович молчит больше обычного. Алла Леонидовна спокойно плачет у себя в каюте. Я бешусь. Пограничник продолжает строчит отчеты и листает свои инструкции.

Надо успокоиться.

17.02

Пограничник нашел нужную инструкцию (думаю, сочинил свою из кучи похожих). Собрал нас в кают-компании. Разоружил. Все, что походило на оружие, запрятал в сейф. Первоочередная задача – бесперебойная работа маяка. Главная проблема – еда. Синтезатор органики накрылся. Пищи, вместе с НЗ – на месяц. Запрет на удаление от корабля. Напомнил, что в мои обязанности входит и психологическое сопровождение экипажа. Три раза ха! Общая психология и клиническая психология. Зачет и экзамен восемнадцать лет

назад.

Можно дышать! Дышать можно! На планете атмосфера, пригодная для дыхания. Тепло. Петрович проверил. Что творится в его дремучей голове? С риском для жизни снять скафандр!?

У всех приподнятое настроение. Корабль порядком надоел. И мы друг другу надоели. Вокруг катера – каменистые пустоши до горизонта. Ни ветерка. Размяли ноги. Никого живого. Кроме нас:) Но вот надолго ли?:)

Вынесли стол и кресла из кают-компания на улицу. А.Л. прогуливается, «дышит воздухом». Петрович дремлет в теньке катера. Пограничник пишет отчеты. Леночка не выходит из каюты – постоянно спит. Лучшая стратегия – еды осталось чуть. Маяк работает.

У меня в кабинете есть спирт. Много спирта! Злорадствую: кое-что в капитанских инструкциях упущено. Ночью напьюсь. Не могу спать.

10.03.

Я сыт! Я наелся! Все наелись! Сошли с ума! Все! Борщ, котлеты, картофельное пюре, черный хлеб. Компот.

Помогли молитвы А.Л.?

Вечером собрались в кают-компания. Девочки и я напу-

ганы, Петрович молчит, Г.С. бодрится. Исследует причину появления утреннего пиршества. Его въедливость и следование уставу наконец полезны. Не дает нам уйти в себя.

Изложил факты:

1. Утром им была обнаружена еда на столе, расположенном на улице (как будто мы не слышали его рёва и семиэтажного мата! Я протрезвел и проснулся одновременно!)

2. Игнорируя прямой командирский запрет, экипаж накиннулся на еду, не проведя возможные научные исследования химического состава пищи. (В мой огород камень)

Предложил высказывать гипотезы. Любые, самые невероятные. Чуть не разругались. Петрович сказал, что военные ставят над нами эксперименты. А.Л. убеждена, что нам явлено Чудо Господне. Леночка разревелась, что это все опыты пришельцев. Я предположил, что имеют место коллективные галлюцинации. Петрович хмыкнул, что не отказался бы еще от парочки порций таких глюков. Командир промолчал.

Надоело писать. Хочу спать.

Утром еды не было. Надежды не сбылись. Наш мистер Пунктуальность вновь собрал всех в кают-компании. Объявил, что весь прошедший день занимался расчетами. Пришел к выводу, что военные подобный эксперимент смоделировать бы не смогли. Теории Леночки и А.Л. за недоказуемостью оставил в стороне. Мне заявил, что его утренний стул опровергает мою теорию. Хохмач, блин. Впрочем, посмеял-

ся вместе со всеми.

Очередное собрание. Георгий Сергеевич предположил, что появление еды каким-то образом инициировано нашими действиями. Приказал как можно подробно и детально изложить каждому на бумаге весь день и ночь, предшествующий появлению пищи. Повторил, что описать необходимо всё, включая сновиденья.

Попросил представить отчеты к вечеру. По-моему, он просто не знает, что делать и загружает подчиненных.

От нашего НЗ еды осталось на пять дней.

Никаких изменений.

Ничего нового.

Только что вернулся от Пограничника. Отобрал весь спирт. Справедливо. В спирте много калорий. Запер в сейф. Уставившись в мой отчет, спросил, почему именно Есенин? А что еще может читать вслух пьяный до изумления русский врач, в тоске и печали на неизвестной пустынной планете? Тем более, и выбора особого не было.

Эта прямая дорога меня привела в кабаки.

Что ж вы ругаетесь, дьяволы?

Иль я не сын страны?

Каждый из нас закладывал

За рюмку свои штаны.

Трудно забыть. Пашка Виноградов, шесть лет в общаге бок о бок, любимое его стихотворение. И, по-моему, единственное, которое он знал. Пятая-шестая рюмка, и Пашка, как оловянный солдатик, заводил:

Грубым дается радость,

Нежным дается печаль.

Мне ничего не надо,

Мне никого не жаль.

Заткнуть его никому не удавалось. Пробовали... Веселое было время.

Капитан спросил, помню ли я еще что-нибудь из Есенина. Попросил записать ему. Накарябал «До свиданья, друг мой, до свиданья», как вспомнил.

Всё-таки наш капитан молоток. Все еще трепыхается.

У нас вновь «чудесная» еда. Яичница со шкварками, бекон, молочная рисовая каша, белый хлеб и клубничное варенье. Похоже, «чудесный» повар – это я. Следующее утро покажет. Оно, утро, мудреней.

Еда прогоняет голод, с голодом уходит отупение. Но с этой загадкой нам не справиться. Схема проста: вечером читаешь вслух на планете стихотворение – утром получаешь еду. Духи, волшебники? Временные порталы? Надмировой разум?

Мы спасены. Дальше ломать голову нет сил. Я сплю.

Приняли правила игры. Г.С. согнал всех в кают-компанию. Вспоминаем стихи. Мы читаем – командир записывает. Пишет он быстро. И почерк у него красивый. Записывает в толстенную тетрадь. Поваренная книга.

Все тащат из своих кают записи стихов – недописанные, с пропусками или без начала. Медитируем вместе, вслух. Чиним недописанные стихи. Починили Цветаеву «Мне нравится, что вы больны не мной», «Вересковый мед» в переводе Маршака. С жадностью набросились на детскую поэзию, выскребли всю, до Агнии Барто. Наша Таня горько плачет... Наплачешься тут. С манной-то каши.

Съели Пушкина и Пастернака. Все ходят по кораблю, бормочут себе под нос и натываются на переборки. Тщетно. Новых стихов в поваренной книге за последние дни не появилось.

Добили Есенина. Откуда в Есенине морепродукты?

Странно. Иностранцев не помним совсем. Намедитировали с А.Л. «Я входил вместо дикого зверя в клетку», «Одиссей Телемаку» и «Дидона и Эней» Бродского. Итальянская кухня.

Спасибо Леночке. Ели Полозкову. Изыскано. Француз-

ские блюда. Великая кухня. Китайскую попробовать не довелось. Пока не довелось?

Съели всех. Петрович выручил. Точнее – Высоцкий. Петрович напевает – Георгий Сергеевич записывает. Живем еще минимум неделю.

<почти неразборчиво>

*Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять,
И твердо знаю, что народу
Моих творений не понять.
Довольный малым, созерцаю
То, что дает нещедрый рок:
Вяз, прислонившийся к сараю,
Покрытый лесом бугорок...
Ни громкой славы, ни гонений
От современников не ждду,
Но сам стрижу кусты сирени
Вокруг террасы и в саду.*

Приснилось ночью это стихотворение. Вскочил с койки, упал, разбил коленку. Бормотал впотьмах строчки, как мантру, пока добрался до светильника и тетради. Записал, так до конца и не проснувшись. Только сейчас вспомнил – Ходасевич.

Стихов нет. Еды нет.

Смошенничать не получилось. Повторное чтение еды не приносит.

Гадкие. Жалкие, ублюбочные осколки. Изморщил все мозги, пытаюсь изловить хоть пару строк. Проклятье!!!

Полчаса матерился в ночное небо. Еды нет.

Центр сработал на отлично. Экипаж подобран грамотно. Конфликтов нет.

Витамины закончились. Поддерживающие физрастворы, глюкоза – тоже.

Каков на вкус Неруда? Читал ведь его в юности! Много читал! Если бы гипноз...

Не бывает несъедобных стихотворений. Все стихи вкусны. Если мы погибнем... Не унижайте поэтов! Ищите их! Хотите. Носите на руках. Вдруг катаклизм на Земле – земное наследие прокормит небольшую колонию пару лет.

Прихоть ноосферы Вернадского?

Третий день пьем понемногу разбавленный спирт и спим. Воздух. Вода. Проклятые стихи.

Сволочь. Упрямый угрюмец! Чуть в гроб всех не вогнал. Руки ему, стервецу, целовал. Петрович неровно дышит к А.Л.! Она упала в голодный обморок перед туалетной дверью. Петрович приволок пухлую тетрадку стихов. Своих стихов!

Леночка плакала, Алла Леонидовна тоже, я ругался и целовался. Капитан пожал Петровичу руку.

Божественная пища родного общепита! Жевал так долго, что еда превращалась в питье.

Пухлая замусоленная тетрадь – наша новая (и последняя) надежда выжить.